

Марина
КРАМЕР

История сильной женщины

**ПОСЛЕДНЕЕ ЯПОНСКОЕ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ**

КРИМИНАЛЬНАЯ
Марина

Марина Крамер
Последнее японское предупреждение
Серия «История сильной женщины»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6666033
Марина Крамер. Последнее японское предупреждение: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70469-9

Аннотация

Стоило только Александре Гельман подумать о том, насколько она счастлива: любящий и любимый муж, прекрасная дочка и отец, наконец остепенившийся и живущий с ними в одном огромном доме, – как тут же жизнь стала один за другим подкидывать неприятные сюрпризы... Сначала кто-то обвинил в газетной статье ее отца-банкира в хранении в собственном банке украденного из местного музея японского клинка, попутно припомнив и расписав в красках его криминальное прошлое. Затем, поругавшись с тестем, ушел из дома муж Саши, за ней кто-то начал следить, и в довершение всего была похищена дочь Соня! В такой ситуации Александра принимает единственное, на ее взгляд, правильное решение – найти своего ребенка самостоятельно, ведь скромной преподавательнице медицинской академии не впервой выходить на тропу войны со снайперской винтовкой наперевес!!!

Содержание

Александра	6
Евгения	13
Александра	15
Евгения	23
Александра	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марина Крамер

Последнее японское предупреждение

«Когда же я, наконец, перестану таскаться сюда, как на службу? Уж лучше устроиться санитаркой – все равно их работу делаю, а так денежки бы капали, хоть какая-то помощь. Целыми днями – «Женя, принеси, Женя, подай, Женька, что раззявилась, судно полное. Женька, поверни, Женька, помоги простыни поменять». Коровы ленивые! Если бы не я... Нет, даже думать не хочу».

Привычно выдернув в холле из потертой дамской сумки белый халат и стоптанные тапочки, она переоделась, спрятала в большой пакет из дешевого супермаркета золотаные сапожки и плащ, проверила в кармане пропуск, подхватила стоявшую у ног коричневую хозяйственную сумку и двинулась к турникету. Там ее приветствовали как родную. Высокий охранник, молодой парень с русой шевелюрой, поправил черную чоповскую куртку и улыбнулся:

– Здорово, Женька. Как погода? Шепчет?

– Ага – в пледик, шепчет, завернись да с кружкой чая обнимись, – фыркнула она, протягивая ему пропуск, но охранник махнул рукой:

– Ой, да иди ты уже, наизусть я твой пропуск знаю, поди, не первый день. Помочь сумку-то допереть?

– Спасибо, Миша, – искренне ответила девушка, перехватывая удобнее ручку тяжелой хозяйственной сумки, – сама как-нибудь.

Охранник кивнул, провожая взглядом худую, чуть сгорбленную фигурку, направившуюся к лифтам:

– Слышь, Жень! Лифты не работают с утра.

Девушка замерла на мгновение, потом выругалась вполголоса и повернула к лестничному маршу. Подъем с ношей на седьмой этаж она выполняла примерно раз в неделю – именно с такой периодичностью отключались оба лифта в больнице.

Сегодня, серым дождливым утром, больничная палата казалась особенно мрачной и обшарпанной. Словно впервые Женя вдруг увидела облупившуюся штукатурку, огромные трещины на потолке, отколовшийся местами кафель возле умывальника, затертую до беловатых пятен поверхность высокого деревянного стола-поста, за которым сегодня оказалась медсестра Аня, грубоватая девица с удивительно ловкими руками – могла попасть иглой в любую вену даже с закрытыми глазами. Видимо, именно потому она чаще других подменяла постоянную сестру Иру, у которой часто болел ребенок. Женя не любила ни ту ни другую, обе девицы казались ей высокомерными, иногда почти по-хамски грубыми, хотя должное их профессионализму она все-таки отдавала. Что Аня, что Ира никогда не обходили вниманием ни одного из своих нелегких пациентов.

– Что-то поздно ты сегодня, – буркнула Аня, сосредоточенно выписывая что-то из листов назначения в свой журнал, – твоя-то вон лежит вся мокрая.

Женя стремительно метнулась к окну, минуя еще две такие же отгороженные друг от друга полупрозрачными клеенчатыми шторами кровати. Там, на «блатном» месте, вот уже четвертый месяц лежала Лена. Вернее, то, что от нее осталось.

– Что, простыни сменить некому было? – враждебно спросила Женя, ногой засовывая сумку под кровать.

– Нас двое, их пятеро, сама знаешь, – невозмутимо ответила Аня, – мы с Риткой и бесхозных еле успеваем обрабатывать, а тебе пропуск по уходу для того и выписан. Сиди и ухаживай. Или денежки плати, сиделку нанимай.

– Ты ведь знаешь, что денег у меня нет, – огрызнулась Женя, аккуратно сворачивая в рулон мокрую простыню под недвижимым телом Лены, чтобы удобнее было выдернуть ее.

– Ну а раз нет – вот сама и крутись, – беззлобно парировала медсестра, – мы и так ночью ее переворачиваем, каждую смену предупреждаем, чтоб смотрели. Чего тебе еще? Днем будь добра – сама все делай.

Сменив простыни, Женя вышла с охапкой мокрых в санкомнату, чтобы там упаковать их в мешки. И здесь ее накрыло – сев на край ванны, она уронила пахнущее мочой белье на пол и расплакалась от бессилия и злобы.

Александра

Вы знаете, что такое счастье? Безусловное, безоглядное счастье, когда перестаешь даже подозревать о существовании каких-то проблем в жизни? Я поняла это только сейчас, каждое утро собирая свою первоклашку в школу и готовя ей и мужу завтрак. Галя, наша старая домработница, всякий раз ворчала: мол, что ж тогда ей-то делать, если я сама, но мне очень хотелось делать все так, как это бывает у других – у моих коллег в академии, например. Раз уж вышло, что я живу в огромном загородном коттедже с прислугой и шлагбаумом на въезде, раз дочь моя в школу ездит не с отцом или матерью, а с водителем и охранником, раз даже мой свободолюбивый муж смирился с этими обстоятельствами – то хотя бы олады к завтраку я могу самостоятельно приготовить? И все – папа...

Нет, я не жалею, я привыкла к тому, что вокруг моего родителя постоянно что-то происходит, взрывается, горит и стреляет. Но дочь... Соня, конечно, не понимала, почему наша жизнь устроена именно так, да, к счастью, в ее гимназии почти всех детей подвозили к крыльцу дорогие машины. Но я боялась, что рано или поздно и до нее обязательно дойдут слухи о том, что дед, любимый деда Фима, благообразный председатель совета директоров крупного банка, в прошлом был криминальным авторитетом Фимой Клещом, а обожаемый отец, папочка, папусик, которого Соня боготворит, не всегда тренировал детишек в клубе восточных единоборств и в свободное время писал большую научную работу по одному из их направлений. Раньше, давно, еще до ее рождения, Акела мог убить любого всего лишь движением хорошо натренированных пальцев. Он и сейчас наверняка может, просто теперь ему это не нужно уже, – и жизнь другая, и ценности тоже. Но люди злы, завистливы, мелочны, они не гнушаются ничем, им все равно, кого ранить – будь то взрослый или ребенок. Этот вопрос уже давно начал мучить меня, и я все время приставала к мужу, но Саша только бросал в мою сторону угрюмый взгляд единственного глаза и тихо говорил:

– Аля, решай проблему тогда, когда она появилась, а не тогда, когда ты ее выдумала.

Меня спокойствие мужа порой выводило из себя, но я понимала – он, наверное, прав. Зачем травмировать психику ребенка разговорами, которых она сама пока не заводит?

Мы действительно были очень счастливы, и воспоминания о прошлом практически перестали тревожить меня, хотя на всю жизнь осталась малоподвижность правой руки и сводящие с ума головные боли, особенно перед дождями – последствия ранения в голову, перенесенного несколько лет назад. Но я научилась отлично управляться левой рукой, лишь изредка помогая себе правой, научилась твердо держать скальпель во время вскрытий, могла без ассистента отпрепарировать труп и изготовить препарат для занятий. Я по-прежнему работала на кафедре нормальной анатомии медицинской академии, а по выходным не отказывала себе в удовольствии вспомнить еще одно увлечение – стрельбу из винтовки и пистолета. Когда-то давно у меня был взрослый разряд, и это полезное умение несколько раз спасало мне жизнь. И не только мне.

Правда, вот с любовью к мотоциклам дело обстояло хуже. Муж категорически заявил, что больше не потерпит этого, не позволит сесть за руль, потому что устал бояться за меня.

– Ты уже не принадлежишь исключительно себе, Аля, – спокойно заявил он, прицепляя ключи от байка на собственную связку, – ты мать. А это – обязательства. Я не хочу объяснять Соне, что случилось, если ты вдруг однажды на скорости сойдешь с трассы и разобьешься. Я понимаю, что мое мнение тебя волнует мало, но по глупости оставить сиротой дочь ты не имеешь никакого права.

Я тогда печально проводила взглядом ключи, отлично понимая, что больше я их уже не увижу. Акела уже пытался лишить меня байка, но я всегда находила ключи и нарушала запрет, однако залезть в карман мужа не рискнула бы никогда.

Я проснулась с четким ощущением какой-то вселенской дряни, которая непременно случится сегодня. Так часто бывало – я открывала глаза и понимала, что день пойдет наперекосяк. Такие мысли я старалась гнать от себя, но сегодня это никак не удавалось. Еще и голова заболела, а у меня, как назло, был назначен семинар у второкурсников, отменить который я не могла, как и попросить замену – на кафедре случилась нехватка преподавателей, мы в этом году не получили ординаторов, и потому нагрузка распределилась между старыми сотрудниками.

Я по привычке похлопала рукой по правой половине кровати, хотя и знала, что муж уже встал – в это время он как раз отправлялся на пробежку. Дотянувшись до халата, я села и спустила ноги на пол, стараясь попасть в тапочки. Сейчас приму душ, потом заплету Соне косы – и можно готовить завтрак, хотя характерные звуки снизу подсказывали, что сегодня Галя меня опередила и уже возится у плиты. Ну, ничего...

По пути в ванную я задержалась у туалетного столика и вдруг остолбенела.

– Елки... – ахнула я, глядя в зеркало, – ты только посмотри...

– Что случилось? – Акела появился на пороге спальни, на ходу застегивая спортивную кофту – собирался на пробежку.

– Ты глянь... если меня на клубничных грядках выставить вместо пугала, птицы с перепугу вернут прошлогодний урожай...

Муж захохотал так оглушительно, что на звук его голоса из детской прибежала Соня, уже полностью одетая в школьную форму:

– Вы чего?

Акела подхватил ее на руки и, легко подкинув к потолку, сообщил:

– Твоя мама не в духе. Недовольна своим видом. Пугало, говорит, я страшное, на огороде мне самое место.

Соня вытаращила и без того огромные глазницы и возмущенно заявила:

– Мама, ты что?! Ты самая красивая мама в моем классе!

– Это потому что твоя, – буркнула я, разглядывая отражение в зеркале. Сегодня я на самом деле выглядела не очень – мешки под глазами, припухшие губы, да и вообще вид какой-то сонный. В дождливую погоду всегда напоминала о себе старая травма головы, полученная в перестрелке много лет назад. Я плохо спала, мучилась от головных болей, от надвигающихся кошмаров, и в такие моменты только муж был в состоянии помочь. Он возился со мной, как с ребенком, даже на руках носил иногда, рассказывал длинные истории о самураях, читал стихи. Я чувствовала себя совсем маленькой девочкой, и это чувство почему-то давало покой и ощущение полной защищенности. Сашка всегда был надежным, спокойным и излучающим такую внутреннюю силу, которой с лихвой хватило бы на пятерых. В моем понимании он был настоящим мужчиной, мужем, отцом, защитником, и наивное словосочетание «как за каменной стеной» обретало вполне реальные очертания.

Дочь меж тем, воспользовавшись моим молчанием, слезла с отцовских рук и уже крутилась около зеркала, очень похоже копируя мои гримасы.

– Неси расческу, – велела я со вздохом, – и вообще – ты чего так рано оделась? Папа еще не бегал.

– Ну и что, – беспечно отмахнулась Соня, – я все равно с Никитой поеду. Хочу в школу пораньше приехать, там сегодня Ирка какую-то игру принесет.

– Ничего не выйдет. Завтракать мы без папы не сядем, поэтому пораньше не получится, – напомнила я о заведенной в семье традиции – это мой отец так решил, это с его подачи мы вставали к столу утром, даже если никуда не собирались.

– Ты мне косу заплети, и я пойду деда Фиму проведать, – заявила дочь, поняв, что разговор окончен.

Папа жил во второй половине огромного дома, специально отремонтированного заново с таким расчетом, чтобы создать ощущение разделенного пространства. Папа не хотел мешать нам, но в то же время хотел, чтобы были рядом, и поэтому мы, продав свой коттедж по соседству, переселились сюда. Моя благодарность Акеле не имела пределов – он подчинился и принял отцовские условия, что ему, почти папиному ровеснику, было, наверное, довольно сложно сделать. И я знала, что и папа уважает решение зятя. Акела вообще был в семье непререкаемым авторитетом, и папа, становясь все старше, молчаливо признавал его правоту и прислушивался к мнению. И это мой папа – человек, привыкший все в жизни решать самостоятельно и без чужих советов... С тех пор как в город вернулся его старый друг Бесо (не без нашего с Акелой участия, надо признать), мой папенька снова почувствовал себя сильным – все-таки многолетнее братство нельзя разорвать в один миг, даже если в дело оказался замешан чей-то родственник. Нам стоило больших усилий убедить папу, что Бесо не имел никакого отношения к интригам, затеянным его внебрачным сыном Ревазом. Именно по его вине погибли мои братья, я сама оказалась на больничной койке с огнестрельным ранением в голову, а Акела сильно пострадал при взрыве собственного джипа.

Папа очень переживал разрыв с Бесо, и мы сделали все возможное, чтобы переубедить его. Теперь старый грузин часто, как и раньше, бывал в нашем доме, баловал Соню, привозил ей игрушки, в которые, к моему удивлению, они потом с увлечением играли втроем, привлекая и папу. Имя Реваза никогда не упоминалось в разговорах, как будто и не было его никогда.

Так часто, как позволяли дела, к этой парочке присоединялся второй папин друг дядя Моня, старый адвокат, занимавшийся всеми отцовскими делами. В определенных кругах эта троица носила малопочтительное прозвище «Три поросенка», но они не особенно реагировали и только отшучивались – мол, все бы ничего, и внешне подходят – невысокие, с явными брюшками, да вот беда – двое из них на дух не переносили свинину по причине своего еврейства. Надо признать, триумвират двух евреев и грузина вызывал у всех неподдельное удивление, однако папа, дядя Моня и Бесо столько прошли вместе и столько отсидели на троих, что уже по праву считали себя родственниками, а детей не делили на своих и чужих. И моя Соня, как самая младшая из третьего поколения, была всеобщей любимицей, что нас с Акелой иногда возмущало. Порой, набедокурив, Сонька признавалась в содеянном не мне или отцу, а деду или кому-то из его друзей, и потом нам стоило огромных трудов применить какие-то воспитательные меры. Признаться, в детстве я иногда делала то же самое – чуть что, неслась к дяде Моне или к Бесо за помощью, и те частенько прикрывали от родительского гнева. Так что в этом Соня пошла в меня...

Дочь убежала, потряхивая тугими косичками, и я получила возможность заняться собой. С некоторых пор отросшие волосы доставляли мне определенные неудобства по утрам – ну, кому охота каждый день справляться с непокорной кудрявой шевелюрой, стараясь привести ее в опрятный и строгий вид?! Но муж категорически заявил, что больше не желает никаких стрижек – посмотрелся на меня, обриту наголо, и пришлось подчиниться. В конце концов, всегда можно сделать над собой усилие и доставить человеку радость, раз уж ему так хочется, чтобы у меня были длинные волосы. Разумеется, отращивать косу я не стала, сделала удлиненную стрижку чуть ниже плеч и, когда бывала в настроении, подолгу возилась, выпрямляя буйные кудри при помощи утюжка. Если же делать это было некогда или просто лень, то вопрос решался при помощи шпилек.

Закончив возиться с пучком, я подошла к шкафу, отодвинула в сторону зеркальную створку на рельсе и задумалась. Работа не позволяла ходить в джинсах или тем более кожаных брюках, как привыкла, потому каждое утро я изводила себя выбором очередного платья или юбки с блузкой. Будь моя воля – я ни за что на свете не покупала бы все это тряпье, обходясь несколькими парами брюк и водолазками. Но увы...

Справившись и с этим, я оглядела себя в зеркале и осталась вполне довольна – молодая женщина в строгом костюме, не пацанка, какой обычно меня видели в поселке по выходным.

В душе шумно плескался муж, вернувшийся с пробежки и проделавший обязательный комплекс упражнений с шестом во дворе перед гаражом. Шест-бо Акела использовал для тренировок каждое утро, а в выходные к нему добавлялся еще и японский боевой веер-тэссен, и это зрелище я старалась не пропускать, усаживалась на подоконник и замороженно наблюдала за плавными, почти танцевальными движениями мужа. В такие моменты Акела был прекрасен, как настоящий древний воин, и у меня всякий раз щемило сердце – неужели со мной рядом такой мужчина? Неужели я могу прикоснуться к нему, обнимать, целовать? Неужели это меня он носит на руках и ласкает ночами? Неужели он – мой? Он – живое воплощение всего, о чем только может мечтать женщина? Да, возможно, я идеализировала мужа, приписывая ему какие-то совсем уж сказочные качества, но мне так совершенно не казалось. Я любила его, и даже изуродованное ожогами и шрамами лицо и отсутствие глаза не делали Акелу менее привлекательным для меня.

– Аля, ты готова? – голос мужа вывел меня из почти медитативного состояния, и я обернулась на звук.

Акела стоял на пороге спальни, в своем обычном кожаном костюме, который надевал, собираясь в клуб восточных единоборств. Там – я хорошо знала – он переоденется в белое кимоно и весь день будет заниматься с мальчишками, стараясь вернуть к нормальной жизни даже уличных бродяжек, которых он частенько приводил в клуб с вокзала или рынка. Меня удивляло такое отношение мужа к чужим детям, но потом я поняла, что Сашка таким образом словно искупает свои старые грехи. Я никогда не комментировала это вслух или при отце, но в душе очень гордилась поступками мужа.

– Ты готова? – повторил Акела, шагнул ко мне и взял за руку.

– Поцелуй меня, – вдруг попросила я, встав на цыпочки и зажмурив в предвкушении глаза.

Но почему-то сегодня поцелуй мужа показался мне торопливым и даже каким-то нервным.

– Что-то случилось?

– Бесо приехал, – коротко бросил Саша, и сердце мое заколотилось от нехорошего предчувствия: в такую рань Бесо без причины не являлся. – Тебе придется завтракать с Соней вдвоем.

– Я сейчас Никите позвоню, пусть он с ней позавтракает и сразу в школу ее везет.

– Нет, Аля. Я сказал: ты позавтракаешь с Соней и потом проводишь ее в школу, – не повышая голоса, но с нажимом сказал муж, и я поняла, что меня просто убирают, потому что предстоит какой-то серьезный разговор, и папа, как, собственно, и Акела, не хочет, чтобы я при нем присутствовала.

– В чем дело?

– Ты прекрасно знаешь, что я не скажу. Забирай Соню, и идите в кухню. Все.

Это короткое «все» ясно дало понять, что разговор окончен, и я должна подчиниться. С годами я научилась распознавать интонации мужа и четко улавливать те, к которым стоило немедленно прислушаться. Как сейчас.

Я послушно кивнула и пошла вниз, где в столовой за накрытым к завтраку столом уже сидели мой отец, Соня и Бесо, то и дело вытиравший платком лицо.

– А, Саня, – старый грузин поднялся мне навстречу, раскинув в стороны руки.

Я обняла его, чмокнула в щеку:

– Давно не виделись.

– Дела, Санюшка, дела, – неопределенно отозвался он и как-то затравленно посмотрел на папу.

Я тоже перевела взгляд на родителя и мгновенно поняла – что-то случилось. Папа сидел, поджав губы и сощутив глаза, что являлось признаком крайнего напряжения. Если бы не сидевшая рядом Соня, он уже орал бы и метался по комнате, как делал всегда, но присутствие внучки заставляло его сдерживаться. Акела был прав, отправляя меня завтракать в кухню, – папе с его больным сердцем держать в себе эмоции категорически запрещалось.

– Сонечка, идем со мной. – Я взяла дочь за руку, помогая выйти из-за стола.

– Мам, мы еще не завтракали, – возмутилась она.

– Мы с тобой пойдем в кухню, там Галя одна, ей скучно.

– Баба Галя всегда одна кушает, и ничего, а сегодня скучно, – пробурчала дочь, выбираясь из-за стола.

Я прекрасно понимала, что ей хотелось завтракать с дедом, отцом и Бесо, который развлекал ее и смешил, мне и самой было любопытно услышать их разговор, но послушаться Акелу я не могла. Мы спустились в кухню, оборудованную в полуподвале, огромную и очень уютную. Домработница Галя сидела за столом и размешивала мед в большой белой чашке, над которой поднимался пар от горячего молока.

– Санечка, а чего это вы сюда? – удивленно спросила она, когда мы с Соней вошли.

– Бесо приехал, – коротко отозвалась я, и Галя прикрыла рот ладонью – не первый день работая в папином доме, она прекрасно понимала, что к чему.

– Да вы чего ж стоите-то, садитесь, сейчас все подам, – засуетилась она, выбираясь из-за стола и направляясь к посудному шкафу.

– Баба Галя, давай я тебе помогу, – тут же вызвалась Соня и сама принялась вынимать с полки чайные чашки, блюдца и тарелки.

Воспользовавшись тем, что дочь и домработница отвлеклись и накрывают на стол, я выскользнула из кухни и на цыпочках прокралась в соседнюю со столовой комнату. Там, прильнув к стене, я затаила дыхание и стала слушать.

– ...и я ему говорю – ты оборзел, в натуре? С горы ли пятьдесят один процент? Контрольный пакет слить тебе – а не жирно хавать собрался, печень не побеспокоит? – гремел Бесо. – В натуре, задрали новоделы эти! Никаких понятий!

– Ну, ты за понятия зря заговорил, – перебил отец, – не к месту и не ко времени. Скажи, Акела, чего отмалчиваешься?

– Думаю. Надо понять, почему именно сейчас и что есть в загатнике. Чтобы выдвинуть такие требования, нужно иметь что-то такое, от чего мы не сможем отвертеться. Какие-то совершенно убойные аргументы. И я пока не вижу, что это может быть. – Спокойствие в голосе мужа действовало на окружающих магнетически, я это знала и была уверена, что сейчас успокоятся и излишне эмоциональный Бесо, и пока не успевший выйти из себя папа.

– Да мать ты моя в коньках на босу ногу! – взревел вдруг против моего ожидания отец. – Что, скажи, – что можно мне предъявить?! Два инфаркта и хренову тучу дырок в теле?!

– Фима, не кричи. Ты не хуже меня знаешь, что при желании всегда можно накопать, – не повышая голоса, отозвался мой муж, – нужно искать, кому выгодно, потому что я уверен – Бесо звонил какой-то подставной или «шестерка». Тот, кто затеял игру, не будет светить лицо до времени.

– С чего ты взял? – в голосе папы я очень хорошо слышала нотки недоверия, и это мне было непонятно – Акела практически никогда не ошибался.

– Подумай сам. Если бы ты рассчитывал сорвать с кого-то дурной куш при помощи шантажа – ты стал бы делать это собственноручно? Или все-таки подстраховался бы?

– Что, думаешь, тот, кто это замутил, боится, что я в ментовку кинусь? – брезгливо спросил отец, но Акела продолжал:

– Я бы не стал сбрасывать со счетов такую возможность. О том, что этого не случится, ты знаешь, Бесо, я – но посторонний не может быть на сто процентов уверен.

– Да мне запахло к ментам соваться, как ты не поймешь?! И все, кто меня знает, будут в этом уверены, бошки свои прозакладывают!

– Пусть так. Но ты уверен, что это кто-то из тех, кто в теме? Это может быть просто залетный...

– А откуда у залетного какое-то досье, а?! – перебил папа, и я услышала звук разбившегося стекла – родитель явно смахнул что-то на пол.

– Ты не видел этого досье, – по-прежнему невозмутимо ответил Акела, – и Бесо его не видел – так ведь? Был только разговор, а слова ни к чему не пришьешь, если нет доказательств.

– Да идите вы оба... к нехорошей маме! – снова взорвался отец, и на пол опять что-то полетело. В последнее время папа вдруг пристрастился к битью посуды, и бедная Галя вынуждена была раз в две недели пополнять запасы.

– Ты, Фима, на голос-то не брал бы, – отозвался молчавший до сих пор Бесо, – Акела правильную тему толкает, если вдуматься. Давай здраво рассуждать...

– Вот и рассуждай – здраво! – огрызнулся папа. – Возьми вот и привези мне этого переговорщика, а уж тут я из него все и сам вытрясу!

О, черт... Это мне совершенно не понравилось – ведь я просила никогда не устраивать разборок в доме, где живет мой ребенок. Ну, если вдруг до этого дойдет, я заставлю отца считаться с моим мнением – еще не хватало, чтобы Соня ненароком что-то услышала или – вообще не дай бог – увидела! Я вам покажу разборки...

Видимо, поддавшись раздражению и возмущению, я сделала какое-то неловкое движение и случайно задела локтем стоявшую на комодке китайскую вазу. Ну, просто не утро, а мечта торговца посудой... На раздавшийся грохот, естественно, вошел Акела и застал меня на месте преступления. Покрытое шрамами лицо мужа омрачилось, единственный глаз прищурился – это не предвещало ничего хорошего, и я понуро опустила голову, но потом вдруг решила, что в этой ситуации выгоднее нападать, чем обороняться:

– Да! Вот прикинь – да, подслушивала! – с вызовом заявила я, вытягиваясь во весь свой невысокий рост и задирая подбородок. – И то, что я услышала, мне не нравится, ясно?! Только попробуйте здесь мясорубку устроить...

– Ты погляди! – загремел голос отца, и я обернулась – папа стоял на пороге, ухватившись руками за косяки. – У нее еще пионерская зорька в заднице играет, а она тут предъясняет! Ты кого на голос взять решила?

– Фима, я сам, – чуть заметно поморщился Акела, но папа не желал спускаться на тормозах мой очередной проступок:

– Знаю я твою «сам»! Она ж веревки из тебя крутит! Только и потекаешь капризам!

Это была вопиющая несправедливость – уж если кто и имел на меня влияние в этой семье, так только муж, и папа был сто раз не прав, обвиняя его сейчас в мягкости и каких-то там поблажках.

Акела снова поморщился, но голос по-прежнему не повысил:

– Я же сказал – сам разберусь.

Однако папенька уже вошел в раж – утренние негативные новости и без того заставили его нервничать, а тут еще и я со своими выходками, и этого вспыльчивому отцу оказалось с лихвой. Он заорал так, что я невольно присела и зажала руками уши:

– Да... вашу..! В собственном доме все поперек идут, как тут вообще с чем-то можно разобраться?! Задолбали спорить! Акела! Забирай на хрен свою жену, и идите оба к себе! Слышишь?! Оба – к такой-то матери, я сказал! – тут он сделал паузу, подошел ко мне и взял пальцами за подбородок: – А ты, Александра... если еще раз... поняла?!

– Поняла, – выдавила я, понимая, что сейчас выгоднее согласиться со всем, что говорит отец, чтобы не распалить его еще сильнее и не довести – не дай бог – до сердечного приступа.

Мы вышли из комнаты и молча поднялись к себе. Сашка закрыл дверь, прислонился к ней спиной и мрачно взглянул на меня:

– Ну, что? Добилась, чего хотела?

– Ничего я... – но он перебил:

– Аля! Молчи и слушай. Больше никогда ты не будешь вмешиваться в наши с Фимой дела, понятно? Я не хочу, чтобы ты в них вмешивалась. Если тебе наплевать на меня и мое мнение, то подумай о Соне.

Я машинально взяла со столика расческу и крутила ее в руках. Разумеется, я не была согласна с мужем, разумеется, я никогда не дам ему обещания не вмешиваться в их с папой дела хотя бы потому, что они оба родные мне люди, и я должна быть в курсе всего, что с ними происходит. Иначе я никак не смогу помочь им, если это будет нужно. Но Соня... Моя кудрявая дочка, сидящая сейчас в кухне с Галей... И Сашка прав – я должна думать и о ней тоже, вернее, о ней в первую очередь. Я ответственна за нее. Но разве сам Акела не несет ровно такую же ответственность? Разве он – не отец ей? Почему я должна думать о Соне, а он нет?

– Я тоже думаю о ней, – сказал муж, и я вздрогнула, забыв о своей привычке иной раз думать вслух, – но ты мать. Ты должна больше внимания уделять дочери, Аля, а не тому, что происходит в банке отца.

– А дело в банке?

– Не пытайся подловить меня.

Муж произнес это таким тоном, что я, наконец, уяснила – все, пора закрывать рот. Отбросив расческу на кровать, я подошла к Сашке и вжалась лицом в грудь:

– Прости... ты прав, конечно.

Руки мужа крепко взяли меня за плечи и слегка встряхнули:

– Аля, я не шучу. Мне действительно *не нужно*, чтобы *сейчас* ты вмешивалась в происходящее, понимаешь? – и то, как он выделил голосом именно эти два слова, только лишний раз убедило меня в том, что назревают крупные неприятности. – А теперь... – Сашка перевел взгляд на настенные часы, – тебе не кажется, что вы уже опаздываете?

– Ох ты, черт! – Я совершенно потеряла счет времени, и мы действительно уже опаздывали – Соня в школу, а я на первую пару у студентов-первокурсников.

– Вот так и бывает, когда суешь свой нос в чужие дела. – Сашка ласково потрепал меня за щеку и отошел от двери: – Все, беги, а то совсем опоздаешь.

Евгения

– Женька, ты чего разлеглась-то? – за плечо нещадно трясли, и Женя, прикорнувшая в изножье кровати, резко выпрямилась и села:

– Что?!

– Не видишь, катетер выскочил? – Аня бесцеремонно сдернула одеяло и ткнула пальцем в желтоватое пятно, расплывшееся под телом неподвижно лежащей Лены.

– Ну, так поправь, – враждебно огрызнулась Женя, – это не моя обязанность.

– Твоя обязанность сидеть и следить, а не дрыхнуть тут, как в доме отдыха, – зло бросила Аня, надевая резиновые перчатки, – неси давай белье сухое.

Женя вышла из палаты, закрыла дверь и, прислонившись к стене, заплакала. От усталости подкашивались ноги, все утро, с пяти часов, она драила лестницы в девятиэтажке, а потом сломя голову бежала сюда, в больницу, и, сделав все необходимое, присела на угол кровати и незаметно для себя задремала. И надо же было случиться, что этот злосчастный катетер выскочил именно в эти пятнадцать минут!

– Ты чего реवेशь? – раздалось рядом, и Женя мгновенно вытерла глаза. Около нее стоял Миша, тот самый охранник, что постоянно предлагал свою помощь. – Случилось что?

– Н-нет, устала просто, – пробормотала девушка, пряча глаза.

– Ты во сколько домой сегодня пойдешь?

– Не знаю... часов в девять, наверное. Покормлю, перестелю на ночь – и поеду.

– Тогда я тебя подожду? Смена в восемь закончится.

Женя удивленно посмотрела на молодого человека:

– Зачем?

– Ну, как... домой провожу, – смущенно проговорил он.

– Зачем? – повторила Женя, и Миша совсем растерялся:

– Так это... темно же... поздно...

«Каждый день темно и поздно», – хотела ответить девушка, но в этот момент дверь палаты открылась, и оттуда выглянула Аня:

– Нет, ты гляди! Я ее с бельем жду, а она тут амуры разводит! – И Женя, забыв о Мише, метнулась в другой конец коридора, к встроенному шкафу с постельным бельем.

Она уже давно привыкла действовать почти на автопилоте, не глядя, брала с полок нужные вещи, не задумываясь, как и что делает, меняла постель под неподвижным телом Лены, машинально рассовывала грязное по нужным мешкам в санкомнате. Точно так же в часы приема пищи вставляла в зонд большой пластиковый шприц, вливала в него подогретый бульон с разведенным в нем детским мясным пюре и уже почти перестала замечать цифру на ценнике в супермаркете, где покупала это самое пюре. Денег не хватало ни на что, все уходило сюда, в больницу, в карманы ночным сиделкам из здешних же санитарок. Оставаться на ночь Женя не могла – если не спать, то она совершенно перестанет держаться на ногах, а ведь нужно еще и работать, чтобы совсем не умереть с голоду ни ей, ни Лене. Она хваталась за любые возможности, будучи бухгалтером, вела несколько фирм, составляла отчеты, даже в больницу таская с собой старенький, еле-еле работающий ноутбук. Она мыла полы в соседнем доме, потому что это можно было делать три раза в неделю рано утром, не выкраивая для этого время днем. Иногда, если оставались силы, Женя здесь же, в больнице, брала заказы на вязаные варежки, шарфики и шапочки для малышей, и медсестры охотно обращались к ней. Но на это тоже нужно было время, которого катастрофически не хватало. Как и денег. В их с Леной комнатах в коммуналке на окраине города не осталось ничего ценного, даже телевизор Женя давно продала какому-то мастеру-надомнику на запчасти – все равно его никто не смотрел.

Соседка Анфиса Валентиновна как-то утром в кухне посоветовала, помешивая какую-то сладкую массу в кастрюльке:

– Ты бы, Женечка, одну-то комнату продала бы, что ли. Хоть не очень большие, а все же деньги. А лучше сдала бы. Так каждый месяц понемногу капать будет. А то и вовсе сразу за полгода, скажем, попроси.

– Как это? – не сразу поняла Женя, варившая бульон из куриной грудки.

– А вот так. Дай объявление да и сдай каким заезжим... Знаешь, много ведь таких-то, кому жилье недорогое нужно. А то и вовсе продать можно, если люди приличные.

– А Ленка куда же денется?

– А ты думаешь, ей эта комната пригодится теперь? – продолжая перемешивать в кастрюле отвратительно-фиолетовую жидкость, отдаленно напоминавшую кисель, поинтересовалась соседка, и до Жени дошел смысл сказанного.

Она отбросила ложку, уперла кулаки в хубые бока и грозно посмотрела на Анфису Валентиновну:

– Это что же вы хотите сказать?! Что моя сестра... никогда сюда не вернется?!

– Да ты не шуми, Женечка... просто посмотри на вещи реально. Такая травма, столько времени в коме... да разве ж она... даже если выживет...

Эти слова укололи Женю до такой степени, что она даже зажмурилась как от физической боли, затопала ногами и закричала так, что соседка в испуге шарахнулась к окну:

– Не смей! Вы слышите?! Никогда не смей так говорить о моей сестре, слышите вы?! Никогда! Лена поправится, ясно?! Чего бы мне это ни стоило! – Женя грохнула ложку в раковину и выскочила из кухни, чтобы не поддаться соблазну и не стукнуть чем-нибудь сердобольную соседку.

Анфиса Валентиновна уже не в первый раз заводила этот разговор о комнате, но никогда не говорила о Лене вот так, почти в прошедшем времени. Женя не допускала мысли о том, что сестра может не выйти из комы, не встать с кровати, не вернуться в свою комнату, в которой Женя поддерживала порядок и не тронула ни единой вещи. Она просто не хотела верить, что все ее усилия, все труды, все заботы могут не увенчаться успехом. Она должна поставить Лену на ноги – у них ведь никого нет, кроме друг друга.